

Не успели отгреметь новогодние праздники — на дворе стояло едва ли шестое число первого месяца, — как Гоудань снова уехал в уездный город. Направился он напрямик к Лю Шуньцзе, мужику, который когда-то брал у него товар. Знакомы они были уже прилично.

Поначалу тот просто помогал сбывать излишки, получая свою долю, но когда в Южных регионах объявили реформы и Гоудань развернулся с торговлей южными и северными товарами, масштаб вырос. Ему понадобились надёжные люди для оптового распределения в каждом уезде. Шуньцзе оказался в их числе — парень был не только башковитым, но и рискованным.

Гоудань приметил его ещё в те времена, когда они втихаря спекулировали дефицитом. Сейчас во внутренних провинциях дышалось, конечно, не так свободно, как в Южных регионах, но в узкие щели законов пролезать всё же удавалось.

Шуньцзе вертелся как мог и умудрился открыть в уездном городе оптовую лавку. По нынешним временам дело неслыханное: без связей и налаженных каналов соваться в опт — чистой воды самоубийство. Значит, были у него свои выходы на мелкие артели и заводики.

Именно поэтому Гоудань и шёл к нему. В лавке Шуньцзе отовариться мог далеко не каждый уличный торговец: посторонним туда ходу не было, да и цены для своих держались в строгом секрете.

Захватив пару бутылок доброго алкоголя, Гоудань постучал в дверь.

Лю Шуньцзе, открыв, на мгновение опешил:

— Ох, неужто одноклассник Ли Кай пожаловал? Батюшки! Какими судьбами к нам господин студент?

— А почему бы и нет? — улыбнулся Гоудань, оглядываясь. — Смотрю, развернулся ты на широкую ногу. Дело-то спорится?

— Да ладно тебе, так, на кусок хлеба перебиваюсь, — поспешил скромно отмахнуться хозяин, хотя в душе так и цвёл. Перед этим парнем стоило держать ухо востро и соблюдать вежливость.

Поначалу-то Шуньцзе думал, что перед ним обычный заносчивый юнец с какими-никакими связями, решивший влезть в торговлю. Но после того как жизнь пару раз щёлкнула его по носу, понял: парень куда глубже, чем кажется. Навёл справки и ахнул — перед ним будущая элита, студент престижного столичного вуза, о котором в уезде гремела слава. С таким человеком ссориться глупо. Сам-то он простой торгаш, пусть и со связями в верхах, но времена меняются. Студент престижного вуза — это без пяти минут большой чиновник. Лучше сейчас проявить уважение, глядишь, в будущем эта ниточка и пригодится.

— Ну а ты с чем пожаловал? — поинтересовался Шуныцзе.

Гоудань приподнял бутылки:

— Да вот, заглянул поздравить с Новым годом. В конце концов, в своё время вы неплохо помогли мне сбывать товар, я на этом себе на учёбу заработал. Так что пришёл провести старого товарища. Надеюсь, хозяин не против?

— О чём речь! Я только рад! Проходи, проходи скорее, — засуетился Шуныцзе, старый и тёртый калач.

Он увёл гостя в небольшую каморку за перегородкой, где стояли стол и пара стульев — судя по всему, здесь обычно принимали важных клиентов.

— В праздник с пустыми руками ходить не принято, — Гоудань поставил бутылки на стол. — Это целебная настойка, её один знатный столичный лекарь делал. Подумал, вам, дядя Лю, с вашей вечной беготнёй на ветру и холоде, самое то будет суставы прогреть.

Шуныцзе для приличия немного пожеманился, но руки сами потянулись к бутылке. Он открыл крышку, поднёс горлышко к носу и зажмурился от удовольствия:

— О-о-о... Да по одному запаху ясно — вещь! Настоящий благородный алкоголь, да ещё и на травах.

Гоудань прекрасно знал слабость хозяина. Тот обожал выпить, так что подарок пришёлся как нельзя кстати.

Расплывшись в довольной улыбке, Шуныцзе велел принести нехитрую закуску, достал чистые рюмки и щедро плеснул ароматной настойки себе и гостю.

Пригубив, он довольно причмокнул:

— Ух, крепка! В самое нутро пошла.

— Ну как? — с улыбкой спросил Гоудань.

— Чудо, а не настойка. Умеешь же ты, шельма, находить редкие вещи.

Они неторопливо попивали, закусывали и вели неспешный разговор обо всём на свете. Гоудань про себя отметил, что за прошедшие годы его собеседник стал ещё хитрее и изворотливее. Впрочем, к любому хитрецу можно найти подход, главное — нащупать нужную струну.

— Дядя Лю, а как сейчас устроена закупка у тебя в лавке? Частникам товар отпускаешь или правила какие строгие есть?

— Да какие там правила, — усмехнулся Шуныцзе. — Сам посуди: в деревнях и посёлках до сих пор работают пункты сбыта Снабженческо-сбытовых кооперативов. Раньше они снабжались строго по распределению. Но сейчас вон, частную торговлю разрешили. А у частников и выбор богаче, и цены приятнее. В госмагазинах ведь вечно всё одно и то же: обувь топорная, ткани блёклые, фасоны довоенные. Вот люди к частникам и пошли, а у госторговли выручка рухнула. Так что теперь их директора сами ко мне втихаря бегают за товаром. Спрос дикий, а запасы не резиновые, крутиться приходится вовсю.

Гоудань понимающе кивнул:

— Тогда давай начистоту, без лишних церемоний. Я планирую открыть небольшую лавочку. В нашем уезде твоя база — единственное место, где можно отовариться без кучи справок и направлений. Сможешь выдать мне долю? Объёмы небольшие, дефицитный товар требовать не стану, на скидки тоже не претендую — плачу полную цену. Мне важно только одно: поставки должны быть бесперебойными.

— Раз уж ты сам просишь — договоримся, — легко согласился Шуныцзе. Перераспределить часть запасов для него труда не составляло.

— Отлично, увиливать не буду. Вот список того, что мне нужно, взгляни, — Гоудань протянул исписанный листок.

Шуныцзе взял бумагу, пробежался глазами по строчкам и с любопытством посмотрел на собеседника:

— Ого. Решил ориентироваться на какую-то конкретную публику?

— Глаз у вас алмаз, дядя Лю.

Шуныцзе кивнул и без лишних слов согласился. В списке значились тетради, карандаши, ручки и прочая школьная канцелярия, а также немудрёные детские игрушки и дешёвые сладости. Из всего этого возиться приходилось разве что с бумагой и писчими принадлежностями, остальное достать — пара пустяков. Прибыль с каждой копеечной безделушки выходила крохотной, но на детворе всегда можно было сделать отличную выручку за счёт оборота.

Выйдя от оптовика, Гоудань сразу поехал оформлять сделку на руины старых домов, которые приметил ещё до праздников. Находились они на окраине уезда, как раз по пути к его собственному загородному жилью. Напротив этого места стояла начальная школа «Надежда» — небольшая, приютившаяся в северной части города. Центральная-то начальная школа, красивая и просторная, располагалась на юге; Гоудань с А-Сюанем ещё в детстве бегали туда просто поглазеть через забор. Эта же, северная, была попроще.

Раньше школа на севере во всём уступала центральной: и здание похуже, и учеников поменьше. Однако Гоудань остановил свой выбор на ней главным образом потому, что в центре города приличных участков под застройку уже не осталось. К тому же он рассчитывал на перспективу. До него доходили слухи, что город вскоре начнёт разрастаться именно в северном направлении. Более того, поговаривали, будто здесь планируют возвести Вторую среднюю школу, чтобы разгрузить старую.

Если это произойдёт, в уезде появятся два полноценных учебных заведения. Гоудань прикинул: лучшего места для строительства новой школы, чем пустырь за начальной «Надеждой», городским властям не найти. Пахотных земель там нет, жилые кварталы чуть в отдалении, места — хоть отбавляй. А значит, его будущая лавочка окажется на самом оживлённом пятачке. На детях состояния, конечно, не сколотишь, но на сытую жизнь точно хватит.

Прежде на этом участке стояли неказистые мазанки. Соседей вокруг почти не было, но Гоуданю всё равно пришлось изрядно попотеть, чтобы выкупить эти заброшенные, заросшие сорной травой и плющом развалины. Хозяев у них давно не осталось, земля вернулась в ведение уезда, и вот теперь перешла к нему.

Место было идеальным — прямо напротив школы «Надежда», через дорогу.

Разыскав бригадира Циня, с которым уже работал раньше, Гоудань велел снести руины. Рабочие зашуршали на участке, не дожидаясь окончания праздничных дней.

— Ну что, парень из семьи Ли, — потирая озябшие руки, проговорил бригадир Цинь, — пока просто расчистим этот хлам, вывезем битый кирпич и гнилые доски. Как земля отойдет да потеплеет, сразу начнем копать котлован под фундамент. Идёт?

— Идёт, спешить некуда, — кивнул Гоудань. — Главное — сразу определиться со сроками. Как и в прошлый раз, материалы заказываешь сам, стройка полностью на тебе. Договорились?

— Не сомневайся, сделаю в лучшем виде. Делов-то — пара кирпичных комнат под черепицей да забор. По весне за две недели управимся. Одно смущает: глушь тут несусветная. Жить здесь неуютно будет, — Цинь обвёл взглядом унылые окрестности. Вокруг лепились в основном покосившиеся лачуги бедноты.

Гоудань указал рукой на кирпичное здание напротив:

— Ничего страшного. Вон школа, там днём шумно, да и учителя прямо при ней живут.

По сути, цивилизация заканчивалась прямо на этой дороге. На той стороне тянулись жилые дома, а на этой, кроме школы и их участка, не было ровным счётом ничего.

Пустынность этих мест объяснялась просто. Обычно новые школы и больницы строят на

окраинах, где земли в достатке. К тому же за начальной школой раскинулся пустырь, который в прежние времена служил Безымянным кладбищем — проще говоря, свалкой для трупов. Когда уезд стал расширяться, холмы сровняли с землей, но те, кто постарше, помнили историю этого места и селиться здесь не спешили. Почва тут была никудышная, для пашни непригодная, так что пустырь лишь зарастал чахлой жёлтой травой да колючим кустарником.

Но именно это и наталкивало Гоуданя на мысль, что лучшего места для Второй средней школы не найти. Государство дорожит плодородной пашней, поэтому под общественные нужды всегда отдают бесплодные неудобья. Его самого старые могилы ничуть не пугали. При расширении любого крупного города под нож бульдозера уходят сотни кладбищ. Пройдёт немного времени, ляжет ровный асфальт, поднимутся многоэтажки, зашумит поток машин — и никто уже не вспомнит, что когда-то здесь лежали мертвецы. На южных аукционах, где шла борьба за землю под торговые центры и жилые кварталы, он насмотрелся на такое вдоволь. Кто знает, чьи кости когда-то покоились под фундаментами сияющих небоскребов?

Если рядом окажутся и начальная, и средняя школы, это место станет золотым. Но объяснять всё это строителю Гоудань не стал.

Вернувшись домой, он подробно изложил свой план немой матери.

— Я сам всё построю и обустрою, тебе останется только стоять за прилавком да торговать. Кстати, считать-то ты умеешь?

Тетушка Ягу закивала и замахала руками, показывая на пальцах: в своё время она ходила в Класс по ликвидации безграмотности, где её научили складывать и вычитать, а позже второй муж немного подучил её премудростям счёта.

Дни летели стремительно. Хотя Гоудань приехал в деревню на каникулы, отдыхать ему было некогда. Бесконечные хлопоты вымотали его и физически, и душевно.

— Всё, — мягко, но решительно произнёс А-Сюань, когда они вечером остались одни. — Ближайшие дни сидишь дома. Я буду варить тебе питательные бульоны. Твоя задача — есть и спать, спать и есть.

Гоудань уткнулся лицом в его плечо, вдыхая родной запах, и устало выдохнул:

— Угу... Столько забот, голова кругом.

Немного помолчав, он добавил глухим, сонным голосом:

— А ещё я хочу тебя...

— Угомонись, — тихо рассмеялся А-Сюань, поглаживая его по спине. — Сил у тебя не осталось,

а всё туда же. Хоть ты и молод, но если так себя изводить, здоровье мигом растеряешь. Ты слишком торопишься, Гоудань. Хочешь устроить всё разом, на годы вперёд, а в итоге только себя гроишь. Для каждого дела нужно своё время и подходящие обстоятельства.

— Я просто хочу... чтобы у близких всё было устроено, — пробормотал тот, засыпая. — Тогда смогу уехать со спокойной душой и не дёргаться по мелочам...

«Да разве это возможно? — подумал А-Сюань. — Даже если сейчас всё наладить, жизнь всё равно подкинет новых забот». Но вслух лишь тихо сказал:

— Главное, чтобы ты сам это понимал.

— Угу... — донеслось в ответ. Гоудань уже проваливался в сон.

С того дня А-Сюань всерьёз взялся за здоровье своего ненаглядного. Он каждое утро суетился у плиты, вываривая целебные корни и готовя сытные бульоны. Забота принесла плоды: за день Гоудань восстанавливал силы, а по ночам, полный вернувшейся энергии, утягивал своего заботливого лекаря на тёплый кан. В темноте спальни их объятия становились всё горячее, а ласки — ненасытнее. Они уставали, но были абсолютно счастливы.

После того как их отношения перешли черту, между ними воцарилась удивительная нежность. Стоило им оказаться рядом, как воздух вокруг словно теплел и наполнялся невидимыми искрами влюблённости, хотя сами они этого даже не замечали.

Друзья из их деревенской компании иногда поглядывали на них с лёгким недоумением. Казалось, у этой парочки появился какой-то свой, особенный секрет, который невозможно выразить словами. Будто связь между ними сделалась крепче прежнего — хотя, казалось бы, куда уж ближе? Они ведь и так с детства водой не разлить.

Скрыть настоящую любовь от чужих глаз — задача почти невыполнимая. Слишком уж выразительными были их случайные переглядывания, слишком много тепла сквозило в каждом жесте.

Но поскольку оба они были парнями, у деревенских даже мысли не возникало в эту сторону. Пожмут плечами, удивятся мимолётному чувству да и выкинут из головы. Кому в здравом уме такое привидится?

Вот и получалось, что влюблённые всю демонстрировали свои чувства у всех на виду, а окружающие оставались в блаженном неведении.

В один из вечеров к ним заглянул Иньтоу и принялся жаловаться на деревенскую родню:

— К нам теперь полдеревни ходит расспрашивать про городскую жизнь. А то и вовсе просят

привезти дефицита из Столицы. Но самое забавное — просить-то просят, а денег не дают! Мол, ты купи сначала на свои, привези, а мы тут сочтёмся. Ну что за люди? Хорошо, мать у меня баба твёрдая, сразу таких умников разворачивает. Но вот с родственниками сложнее... На второй день праздников поехали к бабушке, так я там чуть со стыда не сгорел. Тётка давай выговаривать матери, что мы, дескать, загордились и родни знать не хотим. Мама пыталась ей по совести объяснить, да куда там — слушать никто не стал. В итоге уехали голодными, даже за стол садиться не стали.

Гоудань понимающе усмехнулся:

— Дальше будет только хуже. Если сейчас не научитесь держать оборону и отстаивать свои границы, вам на шею быстро сядут и погонять начнут.

— Да я-то понимаю, — вздохнул Иньютоу, заметно повзрослевший за год работы в столице. — Просто на душе паршиво от такого отношения.

Как землякам и близким друзьям хозяина дела, Иньютоу и Дафу поначалу приходилось несладко. Другие работники при них помалкивали, боясь сболтнуть лишнего, и сторонились их, думая, будто те станут важничать и доносить начальству.

Но после того как парней перевели на новые точки, всё изменилось. Своим трудом и упорством они доказали, чего стоят. Показатели продаж у них росли как на дрожжах, и вскоре весь коллектив признал: пусть этих двоих и привёл босс, дело своё они знают туго. Постепенно недоверие растаяло, и ребята легко влились в коллектив.

Жизнь вдали от родного дома — лучший учитель. Если бы они не возмужали после всех этих испытаний, Гоудань просто не смог бы доверять им серьёзные дела.

Праздник фонарей отшумел, и новогоднее настроение окончательно сошло на нет. Студенты потянулись обратно в университет. В первые дни занятия все ходили полусонными, заметно округлившимися на домашних харчах. После сытого и ленивого месяца перед телевизором и на мягких постелях втягиваться в жёсткий учебный ритм было тяжело.

— Налетай, народ! Попробуйте наши домашние сладкие пироги из клейкого риса! — весело кричал Чжао Шэн, зазывая соседей по общежитию к столу.

Парни дружно потянулись к угощению, выкладывая на общий стол свои деревенские гостинцы. Даже обычно нелюдимый Дэн Цзяхуэй достал мешочек с домашним жареным арахисом — сам выращивал, сушил и обжаривал на печи.

Чэнь Вэньлай смахнул со стола тетради и книги, освобождая место под нехитрые лакомства. Шестеро парней сгруппировались вокруг, оживленно переговариваясь и перехватывая куски. Вскоре на аппетитные запахи подтянулись ребята из соседних комнат, и в общежитии воцарилась привычная шумная суета.

— Я все праздники с родителями по гостям таскался, — с набитым ртом рассказывал Чжао Шэн. — В каждом доме то поили, то кормили до отвала. Нормальной домашней еды толком и не видел — то банкет, то сладости праздничные.

— Ишь, везунчик, — усмехнулся Гоудань. — У нас в деревне всё проще. В первый день года обойдёшь стариков, поклонись уважительно — тебе в руку сунут пару дешёвых карамелек, об которые зубы сломать можно, вот и весь праздник. А потом мы с А-Сюанем обычно дома сидели и сами гостей ждали.

— Это ещё почему? — удивился кто-то. — Из-за того, что вы теперь столичные студенты?

— Да при чём тут учёба! — рассмеялся Гоудань. — У меня в деревне высокий статус в роду. Хотите верьте, хотите нет, а я половине села дедом прихожусь. В этот раз стою на улице, подходит молодая женщина со своим трехлеткой и говорит ему: «А ну, поздоровайся с дедушкой Ли!». Меня аж холодным потом прошибло от такого уважения.

Комната взорвалась дружным хохотом.

— Ну и ну! Представляю, каково будет твоему сыну. Сам ещё под стол пешком ходить будет, а его уже уважительно по имени-отчеству величать станут!

— А у меня другая напасть, — неожиданно подал голос Дэн Цзяхуэй. — Куда ни пойду, везде местные кумушки за рукав хватают — норовят сосватать кого-нибудь.

— Ого! — оживились парни. — И как? Ходил на свидания?

Цзяхуэй лишь угрюмо мотнул головой:

— Нет. Мать взялась невестку выбирать, да у неё от обилия девок глаза разбежались. Хотела дальше по деревням искать, насилиу её уgomонил.

— Эх, завидую, — вздохнул Чжао Шэн. — Прямо как на императорском отборе невест. Я парень хоть куда, а мне за весь Новый год ни одной девчонки не сосватали!

— Да куда тебе торопиться, зелёный ещё, — беззлобно толкнул его плечом Цзяхуэй. — Это у меня время поджимает. К выпуску уже двадцать семь стукнет. В наших глухих краях учиться поздно начинают.

Гоудань с мягкой улыбкой посмотрел на сокурсника. При первой встрече его поразили волосы Цзяхуэя — в них уже тогда было полно седины. Как выяснилось позже, для их горных мест это было обычным делом: то ли из-за скудного питания, то ли из-за плохой наследственности многие парни седели едва ли не со школьной скамьи. А суровые степные ветры оставляли на их щеках густой багровый румянец, из-за чего молодые ребята выглядели утомлёнными жизнью.

стариками.

За полтора года в столице Цзяхуэй заметно изменился. Горный загар сошёл, кожа посветлела, и парень наконец-то стал походить на обычного студента. Раньше он казался самым нелюдимым и угрюмым в комнате, вечно держался особняком. Пока остальные пятеро шумно проводили время вместе, он молча сидел в углу с книгой.

Но время — лучший лекарь. Постепенно они притерлись друг к другу, барьеры рухнули. Теперь Цзяхуэй мог спокойно поделиться домашними заботами, а ребята, зная о его нелёгком финансовом положении, всегда старались ненавязчиво подсобить товарищу в трудную минуту.

<http://bllate.org/book/19654/1996837>